

Кулобок

1.

Я работаю в магазине "Чтиво" и люблю обжевывать мозгом страницы, как иные любят обкусывать кожу вокруг ногтей. Мы продаем детективы, мыльную дребедень, словари, газеты и все в таком роде. Под настоящую литературу в нашем магазине отведено четыре полки, которые, благо, регулярно пополняются, и у меня есть возможность скрашивать рабочие часы минутами интеллектуального наслаждения.

В один из особенно жарких дней, когда по скорбной случайности я трудилась на смене одна, и, спасаясь от зноя, массажировала губы кусочком льда, в пустом салоне раздался грохот. Я оторвалась от статьи про неандертальцев и с ужасом заметила на витрине с беллетристической огромной туловище, увенчанное испуганной головой. Желтое монголоидное лицо, драпированное чайными раскосыми смотрелками было втиснуто в черное каре. Геометрически сложные губы, вмонтированные в лицо с опозданием, будто прикрывали прожженную сигаретой дырочку. Тучное страшилище женского пола лежа ковыряло в большом некрасивом ухе. Я распахнула рот, и брань поперла сама собой:

— А ну вставай! Чего распласталась? Тухесом своим не верти, а то еще что-нибудь сломаешь! Вот корова! Надо же, витрину кокнула и лежит!

От собственной грубости горчило во рту. Толстуха встала и забубнила:

— Это случайно. Равновесия не выдержала — и вот...

— Ты не на улице, — ощерилась я, — это денег стоит. Деньги у тебя есть?

Денег у нее, без всяких сомнений, не было. Я вдруг расплакалась, и, не в силах вынести позора, умчалась в подсобку.

Однажды мне довелось уронить горсть мелочи в чашку с директрисинским бульоном. Подслеповатая Рада Ираклиевна сломала передний зуб о пятикопеечную монету и вычла из моего сердца сто гривен на визит к стоматологу. С этого момента я очень нервничаю на работе. Но начальству звонить было необходимо, и, преодолевая дрожь в пальцах, я сняла трубку: "Алло, Рада Ираклиевна, это Женя. Да, из магазина. Здесь витрина вдребезги. Не я. Кретинка какая-то. Вы бы не могли просчитать по инвентарной смете? Рада Ираклиевна, я не специально на свою смену эти случаи притягиваю. Она же сама... Не надо высчитывать, у меня и так

зарплата...". Пока меня распекала начальница, наглая чукчеобразная раскоряка дернула вон, сбив по пакостной закономерности еще одну витрину. Я чуть не лопнула от ненависти к себе. Только законченная идиотка могла оставить эту великаншу в одиночестве. Любой бы сбежал на ее месте.

Рабочий день подошел к концу. Заперев магазин, я потащилась домой. Неудачный брак железобетона с ландшафтом был щедро расцвечен предвечерним солнцем. Обогнув стоянку, где ржавели грузовики с противными стариковскими мордами, я оказалась во дворе. Суетливые ручки соседки-челночницы упаковывали в багажник здоровенную сумку. В памяти неожиданно всплыло дурацкое объявление из газеты: "Люблю животных. Если вы часто путешествуете, я с удовольствием буду за ними присматривать. Взамен прошу дружбу и понимание".

— Женечка, можно вас на минуточку, — обратилась ко мне соседка, — Вы не посидите с ребенком?

— Конечно посижу, — милостиво согласилась я, втайне взбесившись. Ну кто мешал отказаться? Своих забот под завязку!

— Вы погуляйте с ним, а она вот-вот будет, совсем недолго. Очень вам благодарна, Женечка, время поджимает...

Она на мгновение застыла, будто отыскивала в голове файл вежливости, в котором хранились подходящие к такому случаю улыбки, еще раз поспешно поблагодарила, завелась со второго раза и скрылась за аркой.

Устимка ковырялся в большой луже, пытаясь утопить желтый мячик. Растирая по щекам жирную грязь, он уперся в меня бирюзовыми глазками и зажурчал стихийным постмодерном: "Пошов кулобок гуять с гъязной писькой, а водитька его утонала".

Мне представилось, как Устимка пробежится в своих говнодавчиках по моему голубому ковру, шлепнется на новое велюровое кресло и станет вытирать об него локти.

С трудом подавляя тошноту, я попыталась воздействовать:

— Не талapaiся в луже, смотри, какой уже грязный!

Устимка нахмурился и промолчал.

— Что мне с тобой делать? Может сбежать домой бросить сумку, а ты один побудешь?

— Да, — сказал Устимка.

Преодолевая тревожные спазмы души, я внушала себе разумную безответственность. Ну что с этим крокодиленком станется? Брошу сумку, наспех перекушу — и вниз (я на седьмом этаже живу). Не волочь же его домой, в самом деле.

- Идем со мной, — не очень уверенно попыталась я.
- Я гуяю, сама иди!
- Мама тебя одного оставляет?
- Да — соврал Устимка и отвернулся.
- Никуда не пойдешь? — Устимка замотал головой.

Ландшафт стухал от вечернего расставания с солнцем. Если бы я умела предвидеть будущее, хотя бы на несколько мгновений вперед, то преспокойненько бы поднялась по лестнице, но увы — я вошла в лифт. И в тот самый момент, когда двери кабины сдвинулись, во всем районе погас свет.

Я казалась себе матрешкой. Во мне колотилась обжигающая тревога, я колотила в безнадежно парализованные двери лифта. Лифт раскачивался от моего напора. А дом невозмутимо замер под сумеречными облаками и ничем не обнажал беспокойства, таящегося в самом сердце его кирпичного организма.

Электричество запустили спустя несколько часов. К тому времени Устимки во дворе не было.

До самого утра я пыталась успокоиться надеждой на то, что няня опспела вовремя и, выловив из лужи, увела его куда-нибудь за собой.

2.

Я на базаре работаю. У меня в подчинении два овощных ряда, контейнер с крупами и престижный лоток с цитрусом, фиником и подобным тому фельдиперцем. У меня авокада дешевле, чем в Африке! Эту хрень, конечно, не всякий клиент берет. Я, например, люблю обыкновенную абрикоску. А престиж — это для рекламы.

Жизнь, к сожалению, не математика. В ней ошибок даже достаточней правил. Вот, к примеру, шел я себе с базара. Рыбки купил вяленой с тортиком. Хотя, конечно не купил, а со своими ребятами договорился, у нас на базаре свои калькуляции. Короче, шел себе домой. Вижу — пацаненок в желтом костюмчике в ногах плещется. Вроде как попрошайка. Такой мелкий, едва ходить наумелся, а уже нищий. И с дороги, что главное, не сходит. Жалко, думаю. Надо булку, что ли, ему купить, а то не отцепится. Их этому делу в пеленках еще натаскивают.

- Ладно — говорю. — Как зовут?
- Устимка — отвечает.

"Где я его видел?" — думаю. Что-то мыка знакомая. Аж в пузе запекло.

— Где я тебя видел? — спрашиваю.

А он так конкретно и выдает:

— Ты в моем доме зывешь.

— Надькин сын, что ли? Которая на промрынок штаны-юбки возит?

— Мама в Тутию за товаом поехала, — серьезно сообщил папан.

— Ух ты ё. Что ж ты сам, такой грязный здесь делаешь?

— Я гуяю.

Глянул я туда-сюда по сторонам — и точно — сам гуляет. Да и какой родитель такую неопрятность в дите допустит? Ну и повезло ему, думаю. Потерялся соседыш и на меня выскочил. Взрослому тут недалеко, а для дитя — смертельное расстояние.

И тут подходит этот еж киношный. В клешиках, с бородочкой, лохматый, как буратино. Я вообще таких не очень-то понимаю. И вежливоенько так, давай знакомиться. Я, типа, ассистент режиссера, мы там муйню какую-то снимаем, тыры-пыры. Разрешите представиться — Толик Семенов. Очень приятно, говорю, — Миха.

"А молодого человека как называют?" — заслонявил Толик и потянулся к Устимке. Тот сказал. И Толик начал его умасливать: "Хочешь сняться в рекламе, Устимка?"

"Хочу", — обрадовался детеныш, слабо понимая, на что соглашается.

— Это мой сосед, — вмешался я. — Он заблудился, и мы идем домой.

— Минуточку, Михаил, вы коньяк пьете?

Сам не знаю, как он меня развел. Наверное, это у них профессиональное. Мы зашли в бодегу. Он взял бутылку "Десны" и пирожное для Устимки. Оказалось, что неподалеку расположилась съемочная группа, в которой Толик ишачил ассистентом. Что именно рекламировал будущий ролик, я так и не спросил. Главным было то, что заказчику приспичился ангелочек. Мамаша малолетки, утвержденного на роль купидона, не удовлетворилась гонораром, обиделась и с типажом подмышкой укатила. Съемочный день у киношников был оплачен. Все, как у них водится — режиссер в бешенстве, помощники в запарке. Толик посеменял накатить сотку, чтобы расслабить нервы, и напоролся на нас с Устимкой.

Устимку отмыли и прикошачили к его голове нимб. Толик пообещал, что съемка займет не больше часа.

Уже стемнело, когда Устимку одели в крылья из куриных перьев. Я выполз на улицу — в павильоне воняло кислым. Купил пива, хлопнул еще двести пятьдесят, сел покурить в каком-то парке или хрен его знает где. Слышу — орет кто-то как недопиленный. Смотрю — несется Шима, бары-

га один, нас типок с базара перезнакомил. Клиент — чистый клоун. Коноплю в заброшенном детсадишке растить выдумал. С агрономией у него четко — говно для подкормки, лунный календарь. Шала опупенная получается — стандарт на шестерых, и по цене сходно. Тот садик четыре года назад выселили — он раньше сталепрокатному заводу принадлежал. В нем детей металлургов дрессировали. Завод обанкротился, рабочих пораспускали, а садик бесхозно рушится. Вот у Шимы там и плантарь в клумбах.

Несется тот Шима, зеленый, шо помидора, глаза на выверте — и ко мне. Честь отдал и муть какую-то чешет: "Здравия желаю, Георгий Константинович. Мне дедушка про вас рассказывал". "Але, пацан, — говорю, — ты что же, меня не помнишь?"

Зрачки, вижу, огромные, рожа безмозглая, обштырился, видно, дружба до присмерти. Я и сам уже пьяный, еле на ногах вращаюсь — цирк, в общем, гуманитарный. Клемануло, короче, и дал я ему в дыню. А он, что б вы думали? "Спасибо вам, — говорит, — за все человечество!" И расклавываясь умелся. "Во дурак, — думаю, — что с братвой наркота делает!"

Потом я еще водки взял... А про соседа злосчастного только к утру вспомнил.

3.

С возраста, едва затронутого брожениями юности, меня влекла история. Неуклонно проваливаясь на вступительных экзаменах, я решил последнюю попытку подстраховать контрактом. Долгие блуждания в поисках работы привели меня к ослепительно гнусной карьере драг-дилера.

Через неделю я стану студентом платного факультета.

В предвкушении собеседования я впился в книги. Запоминание продвигалось трудно. Пришлось воспользоваться собственными услугами и использовать метапарконтин — новейший стимулятор интеллектуальной деятельности в таблетках. Уже через полчаса меня терзали мучительные сожаления. В животе медленно назревала тяжесть, а тошнотворная духота стен буквально выдавила меня на воздух.

Пространство размякло. Уличный шум затвердел. Дома обступили меня и стали изгибаться собачьими вывихами. Все нормальные люди куда-то поделись, а вместо них заходили злобные выдры с железными рожками. Я обнял дерево, не успевшее вовремя отскочить, и сблеванул. Изо рта,

вместо того, чем обычно тошнит людей, изрыгнулся бес. Глаза в его козловой морде напоминали внутренность лампочки, а под тяжестью крупа — улица треснула пополам. Пустота в трещине расширилась, вспухла и разъехалась до бесконечности. Реальность будто стерли резинкой.

Каждый несоизмеримо громадный миг бес выглядел по-другому. Ослогубый козлочерт переплавлялся в шевелящуюся микросхему, которая плавно растворялась в воздухе, жонглируя руками в батистовых перчатках, вылепливался в красную бархатную жабу и взметался роем пластмассовых заводных пчелок. Самосжигался, оставаясь огнем, таял, прикидываясь водой, сам себя выпивал до дна, принимая образ бестелесного фрака.

"Вы, кажется, на двадцатом веке остановились?" — с медовой учтивостью пропел бес и сделался Ильичем.

Я окостенело и больно молчал.

"В какую бы позу ни становился материалист, он всегда кончает мышлением", — провозгласил лукавый Ульянов и застыл с вытянутой рукой. Его лоб разросся и лопнул, как перезревший арбуз, из которого, громыхая штыками, потекла мировая революция. К небесам, на лету примеряя нимбы, вознеслась святая чета Романовых. Потускневший от времени залп Авроры прикинулся на мгновение Йосифом Виссарионовичем, отплясывающим зловещую лезгинку на отрубленной голове Александра Меня. Лезгинка плавно перешла в марш, и тут — из-под асфальта явился Гитлер. Он возвысился над пространством, и, подхлестываемый болезнью Паркинсона, облял меня зверскими фразами: "Edem das sein! Dumkopf kaput!".

Я стал криком и расплылся по всему парку, внезапно нарисовавшемуся в бесконечности. Обезумевшие от страха деревья стремительно неслись навстречу, больно натываясь на лохмотья моего тела. Еще миг — и мне пришлось бы стать братской могилой на пятьдесят миллионов персон. Но спокойно и чинно, грациозно отмахиваясь от мух чувством собственного достоинства, под дубом сидел ОН — четырежды Герой Советского Союза, маршал Георгий Константинович Жуков. Я понял, что спасен, и умолк, как младенец, которому в пасть подложили соску.

Георгий Константинович встал, плюнул на кулачище и так шваркнул фюрера, что тот издох. Труп испустил коричневатый дымок и впитался в землю. Но тут из-под почвы раздался взрыв — и зеленый парк провалился в небо.

Бес проявился в образе гигантского мозга с неустанно вылупливающимися губищами, которые втянули меня во влажную среду, и я понесся

по исполинскому пищеводу. Там пришлось расщепиться и вместе с другим перекишим дерьмом восאתся в кровь.

Когда я бацнулся об асфальт затылком — понял, что выпал из самой задницы беса. Я обнаружил себя в заброшенном детсаду, в котором выращивал драп. Была лунная и звездная ночь. В клумбе с ромашками всхлипывал крошечный ангел. Меня обдало жаркой радостью. Я уложил его в руки, осторожно, будто боялся выплеснуть мировой океан.

Луна затягивала нежнейшим сопрано приглушенное меццо-форте, звезды вторили ей хором, а я был спокоен, будто еще не родился.

С трудом воткнув обмякший в кармане ключ в жидковатый замок я вернулся домой, устроил ангелу кроватку из двух кресел и большой пуховой подушки и провалился в сон.

Насильственно разорвав глаза, я с наслаждением созерцал желтый потолок своей коммунальной комнаты. Какое безмерное счастье ощущать себя на осточертевшей кровати под прожженным бабушкиным одеялом! Не чувствовать себя вычеркнутым из родимой, до скуки исследованной реальности. И знать с неистребимой твердостью, что все повторится: кислый запах соседского супа, трещины в штукатурке, таинственный гул в трубах и тусклое дребезжание лампочки, усыпающей в солнечных объятиях нового дня.

И может быть, мне суждено было пролежать так весь день, предаваясь дурацкой радости, если бы над ухом вдруг не раздался визг. Он больно проткнул сердце вчерашним ужасом, уныло отозвавшись в затылке. Я повернул голову — на полу расселась вчерашняя галлюцинация — помятый спросонья ангел с изогнувшимся в зигзаг проволочным нимбом.

Мигом вспотев, я выскочил в коридор. Круглый, как полная луна, зад соседки Софы вернул меня к жизни. Эта старая дура была такой явной, засаленной, подлинной. Мне хотелось расцеловать ее дряблые щеки, исполненные реальности.

— Ви хотели помиться, Шимочка? — спросила она, скорчив брезгливую морду.

— Неплохо было бы, — промямлил мой рот, скаясь во все лицо.

Она ответно скривилась и, стыдливо прикрыв таз клеенкой, вышла.

Ледяная струя шумно вывалилась из крана и вгрызлась в мою макушку. Мерзость, привычно царившая в кухне, мягко убаюкивала тревогу. Отмыв чашку от чьей-то сметаны и заварив чай, я осторожно прокрался к себе. За дверью звенели детские вопли. Мое туловище, ошпаренное ки-

пятком, рухнуло на пол и зарыдало. В памяти всплыл образ покойного Лени Бакурова, которого мы с пацанами навещали в психушке. Он все пытался прикурить спичку, чиркая сигаретой о коробок.

Примчалась Софа. "Шимочка, у вас кто-то умер?" — проныла она. Я беспомощно тыкал в двери. Софа, сделавшись вдруг суровой, решительно ворвалась в комнату. Ее реакция чуть не лишила меня сознания. Она шаловливо завизжала и с улюлюканьем бросилась к ангелу. Она его видела!

Софа небрежно отстегнула крыло, стащила шелковый балахон и протерла лицо херувима фартуком. Кровь ледящийся галлон оказался обычным мальчиком четырех лет. Повелев назвать себя Устимкой, он вполне разборчиво пояснил, что гуляет один с того момента, как мать отбыла в Турцию, и четко назвав адрес, потребовал отправить себя домой.

Софа сюсюкалась и несла спасительную околесицу: "Шимочка, не берите в голову, с детьми сидеть всем мужикам страшно. Мой Сидор как-то остался с племянником, а тот, представьте себе, урчался. Видели бы вы его, точно, как вы сейчас, плакал!".

Награмбовав ребенка яичницей, я завел свой старый запарик, и мы поехали. День был чрезмерно забрызган солнцем. Мимо носились квадраты зданий, прирожденных служить универсами, аптеками, парикмахерскими. Жизнь умеренно колебалась в эмалированной рамке быта.

*****Ё!

Глухой удар о капот раздробил мое скучное счастье на десять тысяч осколков. ЕКЛМНОПРСТУФХЧШЩЪ Э-Ю-Я! Громадное туловище девушки с заполярным лицом не шевелилось.

Я чуть снова не впал в истерику. Со всех сторон набежали люди. Устимка пронзительно верещал — мир снова повернулся ко мне своим дряхлым обвислым задом.

Дальше все покатило само собой. С двумя мужиками мы заволокли полудохлую чукчу в машину.

"Иъда, — вопил Устимка, — это моя Иъда". Без всяких сомнений, он ее знал.

В таком аду я мчался в городскую больницу. Девка еще дышала.

4.

Мой дед, Онно Туккай, был эскимосом. Он жил вместе с бабушкой Майей в поселке Янракинот, тянувшемся узкой полоской вдоль Берингова пролива. Онно охотился на моржей и тюленей, а Майя вырезала из кости сказочные фигурки.

Люди говорили, что род Туккаев произошел от женщины-нерпы, которая была "черкичауркан" — наполовину человек, наполовину животное. Ее мать забеременела от самца нерпы. Поэтому Туккаи были особенно близки к природе. Некоторые из нашего рода отличались выдающимися способностями, возможно, на первый взгляд незаметными. Бабушка уверяла, что я одна из таких.

В полярную ночь, когда в Тундре наступали холод и темнота, Онно и Майя ходили к большой яранге, в которой жил искусный рассказчик Ытаин. В этой яранге собирался чуть ли не весь поселок. Бабушка говорила, что северная сказка — это магическое заклинание, слушая ее, люди переживали тяжелые времена и поддерживали друг друга.

Мудрый Ытаин мог не прерывать своего рассказа несколько дней подряд, влетая в него древние мифы о суровом мире отважных чукчей и эскимосов.

Советская власть объявила Ытаина шпионом и отправила в лагерь. Спустя десять лет он вернулся больным и старым. А когда приходили люди — сильно кашлял и пересказывал только одну легенду — о том, как Ленин приезжал на Чукотку помогать охотникам и оленеводам строить новую жизнь.

Сюжеты сказок Ытаина мне передала бабушка. От нее я узнала о хозяйне вселенной Югым Ио, который повелевает жизнью на суше и на море, про великую маму моря Седну, живущую под водой, про мудрых оленей и северных великанов.

Моя мама, Тынатваль Туккай, уехала учиться на юг. Здесь ей было жарко и непонятно. Познакомившись с моим папой, она вышла замуж и навсегда осталась в Одессе.

К бабушке мы приезжали каждый год. Майя Туккай водила беременную дочь к шаману, и тот сказал, что духи велют назвать Ырдой и что, достигнув зрелости, я увижу Югым Ио. Но если мне дадут европейское имя, хозяин вселенной меня не узнает.

Папа до сих пор не может смириться с моим труднопроизносимым прозвищем. В документах меня записали Ирдой, поскольку в русском заглавной Ы нет. По паспорту я не Ырда, но это не помешало мне встретиться с Югым Ио, которого до одного ужасно нервного дня я считала семейной шуткой.

Учусь я в педагогическом институте и подрабатываю няней. Одна состоятельная мама часто бывает по делам в Азии. А маленький ее сын Устимка — мой воспитанник и ученик. Устимкина мать — Оксана — мне хорошо платит, а когда ее нет в городе — в двойном размере. И вот снарядилась она в Стамбул.

Назначенное время я проспала, из дому вышла на час позже, автобуса долго не было, и дернул меня черт заскочить в книжный, где по гнусной случайности разбился стеклянный шкаф.

Торговка попалась из таких фифок, у которых одежда не мнется, пот не пахнет, волосы подмышками генетически не растут. Она бросилась меня оскорблять, но неожиданно прослезилась и скрылась в кладовке.

Я сбежала, зацепив по закону пакости еще и полку. В автобус пришлось вскакивать на бегу. И только когда за окнами показалось подсолнуховое поле, я поняла, что ошиблась маршрутом.

До устимкиного дома я добралась ночью. Двери никто не открыл, и записок никаких не было.

Утром я позвонила устимкиной бабушке, не сомневаясь, что мальчик там. У бабушки задрожал голос: "Разве дите не с вами? Я знала, что чужим нельзя доверять ребенка! Лично провожала Оксану в аэропорт и многократно сказала: "Пусть Устим поживет со мной". А она — нет, мамуся, с ним посидит няня. Да где ж это няnek таких выписывают, в каких, здрасьте пожалуйста, пансионах? Я ей говорила, лучше эти деньги мне дай. Мне для любимого внука времени своего не жалко..."

Не дослушав, я положила трубку. Может быть, соседи его подобрали? А если что — обращайся в милицию.

Почти добежав до стоянки с грузовиками, обезумев от нервотрепки, я не заметила светофора, рванула — и шмякнулась о запорожец.

Тьма.

Из памяти поплыла сказка: Всю зиму проспал великан. Замело его снегом. Весной пришли звери, а медвежонок даже в ноздрю к великану забрался. Чихнул великан — звери разлетелись в разные стороны. Проснулся великан, встал, побрел обратно на свою землю.

Долго смотрели ему вслед удивленные звери.

Где-то далеко брезжил свет — и я полетела. Там за столом сидел Югым Ио, пером и чернилами созидающий жизнь. Автор капризной книги мира, последняя страница которой допишется через несколько коротких мгновений.

Я напряглась и прочла строчку:

"В таком аду он мчался в городскую больницу".

Про меня. Мое тело везут спасать. "А что дальше?" — пропел мой голос.

Югым Ио подумал и написал: "Ирда, с трудом разорвав глаза, узрела желтый больничный потолок. Можно было пролежать так всю жизнь, переваривая встречу с богом, но она повернулась и сладко расхохоталась. В палате рядом с каким-то типом сидел заплаканный и невредимый Устимка".